

Белгородская региональная общественная организация
«Историческое общество «Ратник»

БЕЛГОРОДСКАЯ ЧЕРТА

Сборник статей и материалов по истории
Белгородской оборонительной черты
Выпуск 6

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КУРСК В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XI—XVI ВВ.

А.В. Зорин

кандидат исторических наук,
г. Курск

В статье прослеживаются и анализируются упоминания Курска и его округа в средневековых письменных источниках, а также обсуждается проблема существования города в XIV—XVI вв. до возведения новых укреплений в 1596 г. На основании имеющихся данных делается вывод о том, что Курск как населенный пункт не прерывал своего существования вплоть до момента, когда был отстроен в качестве пограничной крепости Российского государства.

Ключевые слова и фразы: Курск, письменные источники, летописи, ярлыки, города-крепости.

Курск традиционно и по праву считается одним из древнейших русских городов. Однако в последнее время стали появляться публикации, ставящие это под сомнение. По мнению А.И. Раздорского, «нынешний Курск ведет свою историю с постройки крепости в 1596 г. С одноименным же городом, существовавшим в древнерусский период, его связывает только топографическая и топонимическая общность. Однако хронологический разрыв в существовании этих двух населенных пунктов, составляющий примерно три века, слишком значителен, чтобы их история могла восприниматься как единое целое»¹.

Таким образом, исследователь отказывается принимать во внимание имеющиеся письменные свидетельства, появившиеся в промежутке между концом XIII в. и концом XVI в., тем самым возвращаясь на уровень представлений времен написания «Повести о граде Курске», строки которой долгое время являлись главным источником по истории города на данный период: «сему граду Курску, пленению до основания разорену сущу бывшу, и оттоле многия годы пребывая пустея, и от многих лет запустения положения того града Курска и уезд велиим древесем поростоша и многим зверям обиталища быша»². Прежде чем обратиться к аргументам, выдвинутым в поддержку подобной

точки зрения, следует рассмотреть весь комплекс письменных упоминаний о Курске, фиксируемых в разного рода источниках за весь период XI—XVI вв.

Письменные свидетельства

Наиболее ранним упоминанием Курска в письменных источниках является недатированное сообщение «Жития Феодосия Печерского»: «Бысть же родителема блаженанаго преселитися въ инь градъ Курьскъ нарицаемый, князю тако повелѣвъшю...»³. Традиционно переселение семьи Феодосия в Курск относится к 1032 или, что точнее, к 1036 г.⁴

Следующее, также недатированное упоминание города встречается в «Поучении Владимира Мономаха», сохранившемся в составе Лаврентьевской летописи: «А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску»⁵. Учитывая известную дату рождения князя, это событие его биографии можно отнести примерно к 1066 г.

Первое датированное упоминание Курска также относится к XI в. и датируется 1095 г. Это сообщение о походе княжившего здесь Изяслава Владимировича на Муром: «В се же время приде Изяславъ сын Володимеръ ис Курска к Мурому...»⁶.

Таким образом, за весь XI в. город попадает на страницы письменных источников трижды, причем лишь один раз сообщение о нем имеет четкую датировку.

Взрывной рост упоминаний Курска относится к XII в. Однако это количественный рост упоминаний является мнимым, поскольку в основном все они относятся к двум значимым событиям: к усобице между Ольговичами и Мономашичами и к походу Игоря Святославича против половцев.

В 1127 г. в ходе усобицы между черниговским князем Всеволодом Ольговичем, с одной стороны, и Мстиславом и Ярополком Владимировичами (киевским и переяславским князьями), с другой, курский стол занял сын Мстислава Изяслав. В августе этого года он из Курска со своим полком был отправлен Мстиславом в поход на Полоцкую землю. Спустя всего два года Изяслав получил от отца Полоцкую землю и оставил город. С этого времени Курск управлялся посадниками переяславского князя Ярополка. Об этом сообщают летописные статьи за 1127 г.:

«...Ярополчи бо бяхуть посадници по всеи Семи и Мстиславича Изяслава посадилъ Курьскѣ...»⁷;

«... и сына своего Изяслава ис Курьска с своим полком посла и на Логожескъ...»⁸.

С 1136 г. в Курске княжил Глеб Ольгович. Известно, что в 1137 г. он водил курян в поход на Псков. Осенью 1138 г. он умер и курский стол перешел к его брату Святославу. Несколько раз Святослав порывался сменить курское княжение на более престижное и доходное. В 1139 г. он пытался поменять Курск на Переяславль. Переяславский князь Андрей решительно отверг подобный обмен. Святослав Ольгович владел Курском до 1146 г. В 1146 г. он вступил в союз с Долгоруким и отдал Курск его сыну Ивану. После скорострительной смерти Ивана в феврале 1147 г. Курском завладел переяславский князь Мстислав Изяславич. Спустя полгода к Курску подступил с войском другой сын Долгорукого — Глеб Юрьевич. Куряне, не отказав прямо в поддержке

Мстиславу и заявив, что всегда готовы воевать на его стороне против Ольговичей, сказали, что в то же время не могут выступить против сына Юрия Долгорукого. После такого ответа Мстиславу ничего не оставалось, как уйти в Переяславль. Курск же перешел под власть Глеба Юрьевича. Осенью 1148 г. Глеб Юрьевич был изгнан своими врагами из Северной земли и Курском завладел Изяслав Давыдович. В августе следующего года Курск вновь вернул себе Святослав Ольгович, передавший, впрочем, его вскоре во владение Юрию Долгорукому.

Именно в рассказе об этих и связанных с ними последующих событиях летописи (преимущественно Ипатьевская) несколько раз упоминают Курск или курян:

1136 г. — «и брата своего приведе Глѣбъка, куряны съ Половци, идоша на Пльсковъ...»⁹.

1139 г. — «...тогда Всеволодъ приведе брата ис Курьска Святослава и идее с им Переяславлю на Андрѣя и хотяше выгнати Андрѣя а брата своего посадити в Андрѣви рек иди Курску и Андрѣи тако рек сдумав с дружиною своею лѣплѣ ми того смерть с своею дружиною на свои вотчинѣ и на дѣднѣ нежели Курьское княженье отець мой Курьскѣ не сѣдѣлъ но в Переяславлѣ...»¹⁰.

С этим эпизодом напрямую связано и одно недатированное упоминание Курска, которое встречается в «Слове Даниила Заточника»: «Не лгаль бо ми Ростиславъ князь: «Лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение»¹¹. Сам памятник датируется периодом ок. 1180—1190-х гг. Характерно, что вместо реального князя Андрея тут фигурирует неведомый Ростислав — вероятно, фраза о Курском княжении к тому времени уже превратилась в распространенную поговорку.

1141 г. — «...иде Святославъ Коурьскоу бѣ бо и Новѣ сѣдя Сѣверьскѣ»¹².

1146 г. — «и рек им Святославъ се вам оставливаю Къстяжка моужа своего ... а самъ ѣха Коурьскоу оуставливать людии»¹³.

«Иванкови же Дюргеви пришедшо в Новгородъ Святославоу и да емоу рекъ [Коурескъ] и с Посемьемъ»¹⁴.

1147 г. — «Мьстиславъ же слышав оже идетъ Гюргевичъ съ Святославомъ Олговичем на нь къ Коурьскоу и повѣдѣ Коуряномъ и Коуряне рекоша Мьстиславоу оже се Олгови ради ся за тя бьемъ ... Кюряне же послаша к Гюргевичю и пояша оу него посадникъ к собѣ...»¹⁵.

1149 г. — «и тогда взя Курескъ и с Посемьемъ и Сновскоую тысячу»¹⁶.

1149 г. — «поѣди же оу свои Переяславль и в Коурескъ и съ своимы сыны...»¹⁷.

1161 г. — «нача ся просити оу отца Курьску Святославу же не вѣдуцю всего того пусти от себе Олга Курьску...»¹⁸.

По сути, упоминания Курска периода 1136—1149 гг. относятся к единому блоку исторических событий и представляют собой единое целое свидетельство существования города в данный период.

События 1185 г., связанные с походом Игоря Святославича на половцев, нашли отражение как в летописи, так и в отдельном литературном памятнике, «Слове о полку Игореве». Курск упоминается там в обоих случаях:

«и жда два дни брата своего Всеволода тотъ шель инемъ поуем ис Коурьска»¹⁹;

«сѣдлай, брате, свои брѣзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми къмети...»²⁰.

В XIII в. княжество, город и его жители упоминаются реже. Все упоминания, сохранившиеся в Лаврентьевской и Симеоновской летописях, связаны либо с монгольским нашествием, либо с деятельностью князя Олега Курского.

Первое из них относится к битве на Калке в 1223 г., в которой участвовали «Куряне и Трубчане и Путивлицы кыждо со своими князи...»²¹.

В 1226 г. несколько князей объединились против действий Олега Курского: «Того же лѣта Юрьи князь съ сыновци своими ... ходили въ помочь Михаилу Всеволодичю на Олга Курьскаго и сътвори миръ межи ними...»²².

В 1275 г. по сообщению Симеоновской летописи, «ходиша татарове и Русстии князи на Литву и не успѣвше ничто възвратиша-

ся назадъ. Татарове же велико зло и велику пакость и досаду сътвориша христіаномъ ... а около Курска и кострове лнянии въ рукахъ потеряли и всюды и вси дворы, кто чего отбѣжалъ то все пограбиша погани, творящее на помощь пришедшее, обрѣтошася в пакость»²³.

К 1283—1284 гг. относится широко известный рассказ о борьбе курских князей с баскаком Ахматом (согласно современной датировке, данные события произошли в 1290—1291 гг.)²⁴:

1283 г. — «сътворися зло въ княженіи Курскіа области...»²⁵.

1284 г. — «Того лѣта по Велицѣ день в неделю Фомину побѣгоста 2 братенка та бесерменина Курьску...»²⁶.

И, наконец, недатированное упоминание курских князей содержится в Любецком синодике. Это упоминание относится, вероятно, к периоду до 1280-х гг. В синодике поминают «князя Георгия Курского и сына его Георгия», а также «князя Димитрия курского, княгиню его Феодору и сына их князя Василия, убитого от Татар, княгиню его Анастасию»²⁷.

Следующим документом, упоминающим Курск, является «Список городов русских дальних и ближних», наиболее ранняя редакция которого содержится в Новгородской I летописи младшего извода. Этот памятник долгое время датировался, согласно работам М.Н. Тихомирова, Е.П. Наумова и В.Л. Янина, второй пол. XIV в. В настоящее время исследования В.А. Кучкина позволяют отнести дату его составления к узкому периоду между 15 декабря 1448 и весной 1449 гг. Целью перечня было определить, какие города должны быть подведомственны новоизбранному митрополиту Киевскому и всея Руси Ионе, а какие — западнорусским епископам²⁸. Курск упоминается здесь среди городов киевских:

«А се Киевскіи гроді: ... на Деснѣ Черниговъ, Омѣлники, Сновескъ, Брянескъ, Ростовець, Унеятинь, Новгород Сѣверьскіи, Трубческъ, Путивль на Сѣми, Рылескъ, Курескъ на Тускорѣ, Коршовъ

на Соснѣ ... А на Пьслѣ Ничян, Городище, Лошици, Биринѣ, Жолважѣ»²⁹.

Сентябрем 1432 г. датируется список городов, замков и земель, принадлежащих князю Свидригайлу, подготовленный для Тевтонского ордена в ходе переговоров о заключении союза между князем и крестоносцами³⁰.

В списке фигурируют легко узнаваемые города, среди которых обращает на себя внимание «Курск (Курск) со многими волостями»: Rylesk, Putywł, Chothmisł, Newegrodek Sewersky, Kuresk cum multis districtibus, Oskol, Milolubl, Muszczec cum multis districtibus.

Таким образом, имеются в наличии два документа первой половины XV в., в которых упоминаются сам Курск и его округа, причем в обоих случаях составители этих документов были заинтересованы в том, чтобы их перечни отразили именно реальное положение дел, а не некую абстрактную картину, составленную по воспоминаниям о далеком прошлом.

К XV в. относятся еще два документа, предположительно содержащих упоминания Курска. Это ярлыки ханов Хаджи-Гирея и Менгли-Гирея королю Казимиру за 1461 и 1472 гг.

Ярлык Хаджи-Гирея, выданный в 1461 г., перечисляет следующие города и земли: «Zolwasz, Budała, z ziemiami, wodami i pożytkami ich; Czerniejów z ziemiami, wodami i pożytkami ich; Bryczienzinas, Luscza, Czotny, Slenniczany z ziemiami, wodami i pożytkami ich; Siewierski Nowohrod, Rilsko z wodami, ziemiami ze wszemi pożytkami ich; Rylsko, Tumien Szarajewicza, Jagalta wysuiiu z ziemiami, wodami i pożytkami ich; Midzass, Uspuł, Starodub, Brańsko z ziemiami, wodami i ze wszemi pożytkami ich; Mychalsko, Mobutulsko, Tuła z ziemiami, wodami i ze wszystkimi pożytkami ich; Biresta i Ratuznisko, Alibsko, Burunsko, Kulminsko i Saschonar z ziemiami, wodami i ze wszystkimi pożytkami ich».³¹

Ярлык Менгли-Гирея за 1472 г. содержит следующий список:

«Czerniechow, Siewierski Nowohrod, Sokal, Nowygrad z ziemiami, wodami i ze

wszystkimi pożytki i dochody ich. Cirkassy, Koczibej, Majak, z ziemiami, wodami i ze wszystkimi pożytki ich, począwszy od Kijowa aż do ujścia morza. Steprud i Holeńsko z ziemiami, wodami etc. Brynten, Tukluscze, Chotmislen, Netssa, ze wszystkimi ziemiami, wodami, dochody i pożytki

mi ich. Rilsko z ziemiami etc. Hrirusko Tumien, Sarajewcza państwa Jakaltemskie z ziemiami, wodami i ze wszystkimi dochody i pożytkami ich. Barzass, Uskul, Starodub, Brańsko, z ziemiami, wodami etc. Miczensko, Lubotusko, Bułahrod z ziemiami wodami etc. Berestaja, Jaskub, Kozielsko, Bronsko, Lubow, Izbesz, Czynamir, z ziemiami, wodami i ze wszystkimi pożytkami ich»³².

В обоих случаях ни Курск, ни «Курская тьма» на первый взгляд не упоминаются. Но здесь следует сразу обратить внимание на значительные искажения в написании названий городов. Так, например, устойчивая формула «Тула город с землями, водами» (Tula castrum в списке Свидригайло) в тексте ярлыка 1472 г. превратился в «Bułahrod z ziemiami wodami»; Оскол в ярлыке 1461 г. записан, как Uspuł, а в 1472 г. — как Uskul; Мужеч превратился, соответственно, в Midzass и в Barzass; Ничян стал Slenniczany и Netssa и т. д. (таблица 1). Таким образом, для того чтобы понять, что за город имеется в виду в данных текстах, следует обращать внимание не столько на написание этого имени, сколько на его место в составе текстовых блоков перечня. Как показывает сравнение текстов документов такого типа, все наименования, как правило, занимают в них свое жестко определенное место. В ярлыке Менгли-Гирея 1507 г. Курск (Курская тьма) стоит между Рыльском и Яголдаевой тьмой, в ярлыке Саип-Гирея 1540 г. — перед Яголдаевой тьмой (Рыльск там просто отсутствует), в «Списке городов русских» Курск также следует за Рыльском (Яголдаева тьма по понятным причинам тут не упоминается). В ярлыке 1461 г. между Рыльском (Rilsko z wodami, ziemiami ze wszemi pożytkami ich) и Яголдаевой тьмой (Tumien Szarajewicza, Jagalta wysuiiu z ziemiami,

Таблица 1. Наименования Курска и городов Днепровского Левобережья в документах XV—XVI вв. (а).

Свидригайло, 1432	«Список...», 1449	Хаджи-Гирей, 1461	Менгли-Гирей, 1472	Менгли-Гирей, 1507
Czimirów cum districtibus non paucis	на Деснѣ Черниговѣ	Czerniejów z ziemiami, wodami i pożytkami	Czerniechow	Черниговская тма со всеми выходы и данми, и землями и водами
Granesk cum districtibus pluribus	Брянскѣ	Bransko, z ziemiami, wodami i ze wszemi pożytkami	Bransko, z ziemiami, wodami etc.	Брянскѣ со с всеми ихъ выходы и данми и зъ землями и водами
Newegrodek Sewersky	Новгород Сѣверскыи	Siewierski Nowohrod	Siewierski Nowohrod	
Trupczosk	Трубческѣ			
Putywł	Путивль на Сѣми			Путивль зъ землями и зъ водами
			Holeńsko z ziemiami, wodami, etc.	Глинескѣ со всеми ихъ людѣми
Rylesk	Рылескѣ	Rilsko, z wodami, ziemiami i ze wszemi pożytkami ich	Rilsko z ziemiami etc.	Рылескѣ зъ выходы и данми, и зъ землями и водами
Kuresk cum multis districtibus	Курескѣ на Тускорѣ	Rylsko	Hgrusko	Курская тма, зъ выходы и данми, и зъ землями и водами
		Tumien Szarajewicza Jagalta wyssuu z ziemiami, wodami i pożytkami	Tumien Sarajewcza, państwa jakaltenskie, z ziemiami, wodami i ze wszy stkiem dochody i pożytkami	Сараева сына Егалтаева тма
Oskol		Uspul	Uskul	Осколь
Milolubl				[Радогощ] Милолюбѣ зъ выходы и данми, и зъ землями и водами
Musiecz cum multis districtibus		Midzass	Barzass	Мужечѣ

	На Сулѣ Снепород			Steprud	Снепорожъ
	Синеч	[Briczyen]szinos			Синечъ
		Luszcza			Лосичи
	Хотѣнь				Хотѣнь
	на Пелѣ Ничян	Slenniczany		Netssa	Ницяны
	Городище				
	Бирин	Briczyen[szinos]			Биринь
	Жолваж	Zolwasz			Жолважъ
		Budała, z ziemiami i pożytkami			
Chothmisl	на Ворѣскле Хотмышль	Czolmy		Chotmisslen	Хотмышль со всеми ихъ землями и водами, и данми и выходы
Tula castrum		Tula, z wodami, ziemiami i ze wszystkimi pożytkami		Bulafahrod z ziemiami, wodami	Тула городъ, со всеми ихъ выходы и данми, и зъ землями и водами
Rethun		Ratuznisko			Ратно
Miszenyesk	Мченекъ	Mychalsko		Micznisko	Мченекъ
Lyubutesk	Любутескъ	Mobutulsko		Lubotusko	Люботескъ
Rereste		Biresta		Berestaja	Берестей
Staczodus		Starodub		Staroduk	Стародубъ

Наименования Курска и городов Днепровского Левобережья в документах XV—XVI вв. (б)

Менгли-Гирей, 1513	Менгли-Гирей, 1514	Менгли-Гирей, 1517	Мехмед-Гирей, 1532	Саип-Гирей, 1535	Саип-Гирей, 1540
Чергиновская тма					
Бранескъ	Бранъскъ	Брянско	Брянясско	Бранско	Браньско
Syewierski Nowograd					
	Трубческъ				
Путивль	Путивль на Сѣми	Путивль	Путивль	Путивль	Путивль
	Глинескъ	Глинско	Глинескъ	Глиньска	Глиньска зь людьми
Rylsko					
Курская тма	Курская тма	Курско со тмою	Курско со тмою	Курске со тмою	Коръске со тмою
Сараева сына Егалтева тма	Сараева сына Аголдаева тма	Сараева сына Екалтаево со тмою	Сараева сына Егалтаева со тмою	Сараевич Якгалдай со тмою	Сараевич Якгалдай со тмою
Исков	Оскол	Оскол	Оскол	Оскол	Осколь и зь землями и водами
Милолюбь	Мимолубь	Милелобь	Милолюбь	[Радогощ] Милолюбь	Радогощ Милолюбь и зь землями и водами
Мужень	Мужець	Мужочь	Мужеч	Можеч	Можечь
Снепород	Снепородь	Снепород	Снепород	Снепорода	Снепорода
Синеч	Синець	Синяч	Синець	Синець	Синець
Лосичи	Лосичи	Лучич	Лосичи	Лучычынъ	Лучичинъ
Хотин	Хотин	Хотен	Хотень	Хотень	Хотень
	Ничаны	Нисан	Ницаны		
	Городище				
Бирин	Биринъ	Бирин		Берынъ	Берин

Жолваж	Жолваж	Жолваж	Жолваж	Жолваж	Жолваж	Жолваж
					Богула из землями и водами	Богула и з землями и водами
Хомышль	Хотмышл	Хотемишль	Хотмышь	Хотмышль	Хотомышгъле	Хотомышгъле
Тула-городъ	Тула-городъ	Тула-город	Тулай-город	Тула-город	Тола из землями, водами и со всими приходы	Тола и з землями и водами
Рагно	Рагно	Рагно	Рагно	Рагно	Рагно	Рагно
Мченескъ	Мценескъ	Мченескъ	Мьченескъ	Мченескъ	Бченско	Пченско
Любятеск	Любутескъ	Любско	Любуць	Любско	Любеч	Люпско
Берестей	Берестье	Бересть	Берестей	Бересть	Берестей	Берестей
Стародуб	Стародуб	Стародубь	Стародубь	Стародубь	Стародубь	Стародуб

wodami i pożytkami ich) располагается, как ни странно, Rylsko. В ярлыке 1472 г. на этом месте находится загадочный город Hriusko. При этом стоит отметить, что в обоих ярлыках Рыльск именуется одинаково: «Rilsko z wodami, ziemiami», «Rilsko z ziemiami». Из этого следует, что Rylsko ярлыка 1461 г. не может быть просто повторным упоминанием Рыльска. Вероятно, тут имеет место ошибочная транскрипция, усугубленная ошибками переписчиков, искажившая до неузнаваемости имя «Курск», превратив его в созвучные Rylsko и Hriusko. Такого же мнения придерживается и автор новейшей публикации этих документов, польский историк Дариуш Колодзейчик, который в английском переводе текста предложил следующее чтение этих неисправных мест: «Kursk (misspelled as Rylsko)» и «tümen of Kursk» (т. е. Курская тьма)³³. Таким образом, в ряд упоминаний Курска (пусть даже и вероятных) становятся еще два документа XV в.

В XVI в. упоминания Курска учащаются и содержатся практически исключительно в актовом материале.

Ярлык хана Менгли-Гирея королю Сигизмунду I от 2 июля 1507 г. перечисляет помимо прочего «Жолважъ, Путивль зъ землями и з водами; Бирин, Синячъ, Хотел, Лосичи, Хотмышль, Ницяны со всими ихъ землями и водами, и данми, и выходы; черниговъскую тму со всими выходы и данми, и землями, и водами; Рылескъ з выходы и данми, и з землями, и водами; курскую тму з выходы и данми, и з землями, и водами; Сараева сына Егалтаеву тму: Милолюбъ з выходы и данми, и з землями, и водами, Мужечъ, Оскол; и Стародубъ, Брянескъ, ац со всими ихъ выходы и данми, и з землями»³⁴.

Договор между Сигизмундом и Менгли-Гиреем (докончание), заключенный в декабре 1513 г., также содержит согласованный перечень городов и земель, в котором значатся «Жолваж, Путивль зъ землями, з водами; Бирин, Синеч, Хотин, Лосичи, Хомышль зъ землями, з водами, с прихо-

ды и выходы; чергиновская тма из землями, з водами, с приходы и выходы; курская тма; Сараева сына Егалтева тма; Радогощъ, Милолюбъ со всими их землями, з водами, с прыходы и выходы, а Мужень, Исков; Стародубъ, Бранескъ, из землями, з водами, с приходы и выходы»³⁵. В польском переводе документа в данный список добавлены также Новгород-Северский (Syewierski Nowograd), и Рыльск (Rylsko) — дополнительный штрих, свидетельствующий о том, что подобные перечни носили отнюдь не формальный характер.

Докончание между Менгли-Гиреем и Сигизмундом июня 1514 г. также содержит аналогичный перечень: «Жалваж, Путивль зъ землями и з водами; Биринъ, Синецъ, Хотин, Лосичи, Хотмышль, и Ничаны со всими землями, и з водами, и з доходы; курская тма; Сараева сына Аголдаева тма; Радогощъ, Мимолубъ со всими землями, и з водами, и з доходы, Мужецъ, Оскол; Стародуб, Бранъскъ, со всими землями, и з водами, и з доходы»³⁶.

Ярлык хана Мехмед-Гирея, выданный королю Сигизмунду I в 1517 г., также называет эти города и земли: «Жолваж, Путивль, зъ землями, з водами; Бирин, Синеч, Хотен, Лучич, Хотемишль, Нисан, зъ землями, з водами, и со всими доходы; Курско со тмою; Сараева сына Екалтаево со тмою; Радогощъ, Милелобъ, со всими землями и доходы, Мужочъ, Оскол; Стародубъ, Брянско, со всими землями, и водами, и доходы»³⁷.

При этом Курск или Курская тьма отсутствуют в тексте ярлыка Мехмед-Гирея от 21 октября 1520 г., хотя прочие территории и населенные пункты там присутствуют³⁸.

Ярлык, выданный Мехмед-Гиреем и подтвержденный затем Бахадур-Гиреем и Ислам-Гиреем в октябре-ноябре 1532 г., вновь содержит упоминание Курска: «Жолваж, Путивль и зъ землями, и з водами; Синецъ, Хотень, Лосичы, Хотмышль, Ницаны и з зъ землями, и з водами, з данью, и зъ выходы; Курско со тмою; Сараева сына Егалтаева со тмою; Радогокъ, Милолюбъ со всими землями, з водами, з данми и

выходы; Мужеч, Стародубь, Оскол, Брянскую из землями, и з водами, з даньми и выходы»³⁹.

Ярлык Саип-Гирея, выданный в апреле 1535 г., также содержит в себе «Жолва[ж], Ботула из землями и водами; Берынь, Синець, Хотень, Лучычынъ, Хотомышьле, Оскол изъ землями, и водами, и со вьсими доходы; Курске со тмою; Сареевичъ Якгалдаи со тмою; Путивль, Радогощъ, Ми[ло]любъ из землями, водами, и со вьсими прыходы; Можеч, Стародубь, Любеч, Бранско и[з] землями, водами, и со всими прыходы»⁴⁰.

В польском тексте ярлыка Саип-Гирея, выданного в декабре 1539 г., Курск отсутствует⁴¹, но зато он присутствует в перечне, содержащемся в предварительном тексте мирных соглашений, обсуждавшихся в Кракове с крымским посольством в начале 1540 г.: «Къ тому тежь царь Сагапъ Киреи маеть Королю Его Милости и потомькомъ его милости вовъ покои держати: ... Жолва[ж], Ботули из землями и водами; Берин, Синець, Хотень, Лучичинъ, Хотомышьле, Осколь из землями и водами; Корьске со тмою; Сараевич Якгалдаи со тмою; Путивль, Радогощъ, Милубовъ из землями и водами; Можечъ, Стародубь, Любечъ, Браньско»⁴².

В ярлыках Саип-Гирея, выданном Сигизмунду в сентябре 1542 г., и Девлет-Гирея, выданных королю Сигизмунду Августу в мае 1552 г. и в 1560 г., присутствуют лишь наиболее южные города и земли этого списка, такие как Жолваж, Хотмыщл, Оскол, Путивль, а также Еголдаева тьма. Ни Рыльска, ни Курска, ни Брянска, ни Стародуба или Новгорода-Северского там нет⁴³. В более поздних документах исчезают упоминания и этих городов.

Во всех случаях Курская тьма находится между упоминаниями Рыльска и Яголдаевой тьмы. Город может не называться отдельно от округа, но сама формулировка полностью соответствует упоминавшемуся ранее определению «Куреск с многими волостями». Несомненно, что «Курская

тьма с выходами и данями, с землями и водами» или «Курск с тьмою» в данном случае явно обозначают то же самое, что в списке Свидригайло значил «Kuresk cum multis districtibus». Стоит также обратить внимание на повсеместное упоминание Курска как центра обширной округи.

В Разрядной книге 1475—1598 гг. имеется запись о том, что летом 1557 г. «в Курску стояли воеводы князь Михайло Репнин, да князь Петр Татев, а от Курска пришед стояли в Мценску»⁴⁴. Равнозначное упоминание Курска и Мценска дает основание предположить, что в обоих случаях имеются в виду не просто некие географические ориентиры, но именно населенные пункты. В них можно прийти, из них можно выйти.

Согласно исследованиям Я.Г. Солодкина, в период правления Ивана Грозного «в Курске у пятисот человек» служил дьяк Постник Суворов. Период и продолжительность его нахождения в Курске в документе не указаны, но исследователь предположил, что Суворов служил здесь между 1557 и 1571 гг., т. е. после Репнина с Татевым и до своего назначения дьяком в Новгород в 1571 г.⁴⁵ Упомянутый Посник Суворов известен как опричник, дьяк на Земском соборе 1566 г. и участник похода 1572 г. на Новгород. Также он был дьяком в Пронске при стрелецком голове Федоре Курдюмове⁴⁶. К сожалению, невозможно установить ни точную дату, ни исторический контекст приводимого исследователем упоминания.

По мнению А.И. Раздорского, в данных случаях было упомянуто безлюдное городище, «на котором, возможно, была устроена временная застава»⁴⁷. Однако, во-первых, в подобных случаях в документах такие места прямо именовались «городищами» (Боянское городище, Гочевское городище и пр.), а во-вторых, речь в документах идет не о малочисленной «временной заставе», а о расположении здесь рати под началом двух воевод или целого полка стрельцов. Столь крупные силы никак не могли стоять в безлюдной местности, где невозможно найти себе пропитание.

Широко известен приговор от 12 марта 1582 г. о лжесвидетельстве и ложных исках, где говорится: «которой в жалобнице или в суде лжет и составит ябеду, ино того казнить торговою казнию да написати в казаки в украинные города, в Севск и в Курск»⁴⁸. По мнению Я.Г. Солодкина, упоминания Севска и Курска здесь являются позднейшей вставкой, поскольку Севска в 1582 г. еще не существовало⁴⁹. Однако в данном случае остается недоказуемым факт, что вставкой являются названия обоих городов, а не только одного только Севска (как вариант: «написати в казаки в Украинные города, в Курск»).

Косвенные сведения о существовании Курска в XVI в. были выявлены Г.Н. Анпиловым. Это челобитная курянина Васьки Степанова Розина, поданная им в 1622 г., где он утверждает, что «деды государь мои, и прадеды служили тебе государь в стрельцах с Курска, а в крестьянх ни за кем не бывали». Как логично полагает Г.Н. Анпилов, одиннадцати лет, прошедших с 1596 г. по 1607 г., когда челобитчика пленили крымские татары, явно недостаточно для службы с Курска четырех поколений стрельцов Розинных. Это дает основания считать, что «деды и прадеды» имели отношение к курской службе задолго до 1596 г.⁵⁰ Ссылки на то, что челобитчики могли допускать преувеличения и неточности ради достижения своей цели, могут приниматься во внимание, но не могут отменить факта существования самой челобитной и содержащихся в ней сведений. Кроме того, данные сведения о службе предков Василия Розина хорошо сочетаются с упомянутыми ранее свидетельствами о пребывании в Курске войск, в том числе и стрелецких подразделений.

Собственно, запись о возобновлении Курска содержится в Разрядной книге 1775—1598 гг., где говорится о результатах поездки И. Лодыженского, Т. Якушкина и Н. Спиридонова по приисканию мест для возведения порубежных крепостей в 1596 г. Самого отчета не сохранилось. Первоочередной их задачей был осмотр земель

по Северскому Донцу, итогом чего стало подробное описание окрестностей будущего Белгорода. О Курске говорится гораздо более скупое: «И государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси указал поставить на поле новых три города: на Донце на Северском на Белогородье город, да на Осколе усть Оскольца другой город, да на Семи на старом на Курском городище третьей город ... На Семь на Курское городище посланы города ставить воевода Иван Полев да голова Нелюб Огарев, да подъячей Яков Окатьев. И по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Руси указу те воеводы и головы поставили на поле три города: на Донце на северском Белгород, да на Осколе Оскольской город, да на Семи город Курск тое же осени»⁵¹.

Это единственная запись, где о Курске говорится, как о «старом городище», то есть ненаселенном заброшенном месте прежнего города. При этом, в отличие от Белгорода и Оскола, тут не описываются окрестности будущего города и не перечисляются выгоды его расположения. Стоит заметить, что «старое Курское городище» здесь помещается на Сейме, а не как обычно на Тускаре, что живо напоминает о пресловутом «Курском городище» из грамоты 1487 г., которое находилось «на Семи ниже Гусина броду, на усть Ревута реки» и которое уверенно отождествляется с городищем у с. Дроняево⁵². С некоторой привязкой к Сейму Курск позднее упоминается лишь в «Книге Большому чертежу», но и там Сейм является только дополнительным ориентиром: «город Курск стоит на реке на Тускори на правом берегу от реки от Семи версты в 2 на усть реки Куры»⁵³ (реально расстояние от берега Сейма до исторического места расположения Курской крепости превышает 4 км). Формулировку Разрядной книги можно истолковать двояко: либо изначально крепость планировалось действительно поставить на Курском городище на Сейме (в устье Реута), либо данный ориентир давался весьма приблизительно, что, однако, выбивается из общей практики точных привязок

к местности: Оскол ставится не просто на Осколе, а усть Оскольца на Волдаевом городище, на Тюляфиной поляне⁵⁴, да и окрестности будущего Белгорода описаны весьма детально⁵⁵. Это наводит также на мысль о том, что местоположение Курска было достаточно хорошо известно, и постройка тут новой крепости не нуждалась в дополнительных обоснованиях.

Таким образом, суммируя письменные упоминания Курска в XVI в., можно сделать вывод, что поселение, носившее это имя, скорее всего, существовало здесь и до возведения крепости в 1596 г. Исходя из имеющихся в наличии документов, относительное «запустение» Курска относится примерно к середине XVI в.

Итак, на протяжении периода в шестьсот лет, с XI в. по конец XVI в., фиксируется 33 упоминания Курска, курян и Курской земли в разного рода письменных источниках (летописях, актовом материале, литературных произведениях), причем 27 из них являются упоминаниями достоверно датированными (рис. 1). Упоминания эти присутствуют практически в каждом из столетий этого периода, исключая XIV в. Отсутствие упоминаний Курска в XIV в. вполне объяснимо: на это время город, находясь в составе Золотой Орды и затем Великого княжества Литовского, выпал из системы русских княжеств и не привлекал внимания летописцев. Ордынские источники, как актовые, так и нарративные, для данной территории отсутствуют. Когда же к началу XV в. эти земли были прочно инкорпорированы в состав Великого княжества Литовского, Курск сразу попадает в первый же известный нам владельческий перечень — список городов Свидригайлы. Прочие его упоминания в «литовский период» связаны с необходимостью легитимизации прав Литвы на земли Днепровского Левобережья. Не следует обманываться и насчет частого упоминания города в XII в. По сути, большая часть этих упоминаний относится к единому историческому явлению: усабиче Ольговичей и Мономашичей. Если их све-

сти воедино, то число упоминаний Курска тотчас резко сократится, приблизившись к среднему количеству упоминаний города в других столетиях: из 10 общих и 8 четко датированных упоминаний мы получим всего 6, включая два отдельных упоминания в связи с походом 1185 г.

Таким образом, нельзя сказать, чтобы в послемонгольский период Курск вдруг резко и необъяснимо исчез со страниц письменных сообщений или что количество упоминаний города столь же необъяснимо сократилось. Город и его непосредственная округа упоминаются вполне регулярно, и, таким образом, письменные источники никак не дают возможности говорить о некоем «трехсотлетнем перерыве» в его истории.

Дискуссия

Аргументы противников реального существования Курска в период XIV—XVI вв. основываются, как правило, на априорном убеждении в его запустении после монгольского нашествия. Для них это изначально общеизвестный факт. Поскольку имеющиеся документальные свидетельства противоречат этому, то исследователи начинают искать объяснения подобному несоответствию, ставя под сомнение сами эти неудобные источники либо просто отмечая их как «недостоверные».

Логику историков, придерживавшихся подобного мнения, прекрасно демонстрирует пример Ф.Е. Петруня, опубликовавшего свою работу еще в 1928 г. Он весьма показателен, поскольку его выводы послужили основой и для позднейших исследователей. Ф.Е. Петрунь видит наличие Курска в ханских ярлыках, но при этом изначально «знает», что Курска на тот момент уже не существовало, а потому ищет объяснения тому в некоей «мощной исторической памяти», некорректно ссылаясь при этом на летописный рассказ о разорении курской округи в 1270-х гг. и на упоминание «Курского городища» в 1487 г.: «Курьск, як відомо, в XV ст. згадується вже яко городище (Сб. РИО, т.41, с.58 — 1487 р.), його було зруйновано ще з

1278 р. (Зотов, 101), але пам'ять про нього міцно трималась — тому і відомий список Воскресенського Літопису зазначає «Курскъ на Тускорѣ» (П.С. обр. Р.Л. ст., IV, 240), так саме, як і реєстр міст Швидригайла — Kuresk»⁵⁶. Автор не обращает внимания ни на указанную в упомянутом им документе локализацию «Курского городища» («усть Ревута реки»), ни на то, что в 1275 г. (не в 1278 г.) разорению подвергся вовсе не сам Курск, а его округа, ни на то, что после этого город упоминается в летописи в связи с историей Ахматовых слобод. Более того, вслед за этим исследователь даже предполагает, будто в ярлыках «Курск» может являться синонимом Яголдаевой тьмы — и это невзирая на то, что эти два названия следуют в перечнях друг за другом, ни разу не подменяя одно другого!

Неудивительно, что, основываясь на подобных воззрениях, В.П. Загоровский уже на исходе XX в. безапелляционно называл мнение сторонников существования Курска в XIV—XVI вв. лишеными научной основы «бездоказательными утверждениями», порожденными «местным патриотизмом». Однако при этом сам историк, не приводя каких-либо аргументов, просто заявлял, будто «упадок Курска, наметившийся с конца XIII в., привел, как можно думать, уже в XIV в. к фактическому прекращению жизни в городе». Более того, он утверждал, будто «после недолгого (! — А.З.) литовского господства район Курского городища ... на грани XV и XVI вв. входил в пределы Большой Орды ... В 1501 г. в верхнем и среднем течении Сейма кочевали татары Большой Орды; заселенные русские земли у этой реки начинались только от Рыльска»⁵⁷. Историк не обращает внимания на то, что упомянутые им события 1501 г. связаны вовсе не с рутинным кочеванием татар Большой Орды, а с вполне конкретными военными действиями, когда союзный Литве хан Ших-Ахмет предпринял поход на Рыльск, а затем остался зимовать в верховьях Сейма, о чем, кстати, сообщается на следующих страницах того же исследования⁵⁸. Иных аргументов ни в

пользу своего мнения о запустении Курска, ни в подтверждение принадлежности этих земель Большой Орде автором не приводится, а само утверждение о татарской власти над данной территорией выдает полнейшее незнание автора с известными уже на момент написания книги документами литовского времени, говорящими о границах Путивльского повета и Яголдаевой тьмы⁵⁹.

Упоминания (и неупоминания) в документах существования Курска до 1596 г. действительно вызывают ряд вопросов, против которых, однако, также можно выдвинуть серьезные возражения.

1. Отсутствие упоминаний Курска в духовных грамотах Ивана III и Ивана IV, а также в тексте в Благовещенского перемирия 1503 г.

В духовной грамоте Ивана III 1504 г. отсутствует не только Курск. Нет там ни Рыльска, ни Путивля, хотя присутствует множество подмосковных деревень⁶⁰. В грамоте Ивана IV перечисляются только «города Северские: Новгород Северской, город Путивль, город Рылск, и Млгин, и Драков, город Почап, город Карачев, и волости и села тех городов, со всеми Северскими и Полскими угожьи»⁶¹. Тут нет ни Брянска, ни Стародуба, ни Чернигова. Не находятся ли они вместе с Курском среди анонимных «северских и полских угожий»? По крайней мере, никому еще не приходило в голову на этом основании усомниться в существовании в XVI в. Стародуба или Чернигова.

В грамоте о перемирии 1503 г., помимо прочего, говорится о переходе под власть Ивана III «города Чернигова съ волостми, города Стародуба съ волостми, города Путивля съ волостми, города Рыльска съ волостми, города Новагородка Сѣверского съ волостми»⁶². Курск тут действительно не упоминается. Однако следует учитывать специфику данного документа, задачей которого являлось отнюдь не перечисление всех захваченных населенных пунктов. Грамота должна была предельно четко обозначить линию разграничения владений двух

государств. Именно поэтому в списке мест, куда не может «вступаться» Литва, друг за другом следуют именно пограничные владения, причем временами тут, наряду с крупными городами, перечисляется изрядное количество незначительных, казалось бы, сел и деревень (Уваровичи, Телешовичи, Кошелев Лес, Морозовичи, Липиничи, Залесье и т. д.), имевших, вероятно, важное значение для конкретных участков границы. Поселения, оказавшиеся в глубине приобретенной территории, вполне можно было не упоминать, ибо чтобы «вступить» в округу Курска, противнику прежде следовало вторгнуться в Путивльские или Рыльские волости. Примечательно также отсутствие в перечне известных по ярлыкам Жолважа, Милолюбля, Оскола, Мужеча и пр. Городки эти входили в состав Путивльского повета и, соответственно, в тексте грамоты они скрываются под обобщающим термином «Путивля с волостями». Вероятно, Курск по своему тогдашнему статусу также соответствовал этим пунктам, а потому, подобно им, не удостоился отдельного упоминания.

Таким образом, отсутствие упоминаний Курска в данных документах, учитывая их специфику, вовсе не означает отсутствие его как реально существующего поселения.

2. Отсутствие назначений курских воевод до 1596 г.

Подобный факт свидетельствует лишь о статусе населенного пункта, а не о факте его существования. В связи с разорениями и общим сокращением населения в результате войн начала XVI в. город, вероятно, пришел в упадок, не мог стать ни полноценным центром уезда, ни опорным пунктом на границе. Потребовались целенаправленные усилия правительства, чтобы восстановить его в этом статусе уже в конце столетия. Кроме того, можно вспомнить и то, что, например, в Рыльске после ликвидации удела Шемячича в 1523 г. первый московский наместник, согласно имеющимся документам, появляется лишь в 1552 г.⁶³ Значит ли это, что Рыльск на тридцать лет прекратил свое существование? В Севске первый вое-

вода отмечен только в 1619—1620 гг., хотя Севский острог существовал к тому времени уже более двадцати лет⁶⁴.

3. Ненадежность документов, упоминающих Курск, поскольку они содержат шаблонные перечни и в них перечисляются уже несуществующие к тому времени города.

Так, например, А.И. Раздорский утверждает, что «в перечисленных документах Курск упоминается лишь в списках городов, сеть которых фиксировала определенную территорию, а не в связи с какими-либо реально происходившими событиями. Эти упоминания носят в известной степени условный характер и, на наш взгляд, не могут рассматриваться в качестве бесспорных доказательств его существования в указанный период. Неизвестно, в каком качестве употреблено в них само понятие «Курск» — имеется ли в виду живое поселение, разрушенное городище, служащее лишь топографическим ориентиром, или вообще обобщенное название территории, некогда возглавлявшейся Курском. Следует заметить в этой связи, что, например, в «Списке русских городов дальних и ближних», наряду с существовавшими на тот момент городами, отмечены и запустевшие (в частности Старая Рязань)»⁶⁵.

Подобное утверждение некорректно, поскольку в документах упоминаются вполне себе существующие населенные пункты. Это хорошо видно как раз на приведенном примере Рязани. В «Списке городов...» сказано: «Рязань старая на Оцѣ, а новыи городок Олгов на усть Пронѣ ... Переяславль на Трубежѣ»⁶⁶. То есть тут четко проводится различие между Старой Рязанью и новым Переяславлем Рязанским. В ярлыке Саип-Гирея Старой Рязани нет вообще, ее место занимает Переяславль: «Резанскій Переяславль со тмою и зъ людьми, и съ лесы и съ пущами, и съ выходы». В ярлыке Менгли-Гирея мы имеем «Резань и Переясловль въ головахъ, люди, тмы, города и села, и дани и выходы, и зъ землями и зъ водами и съ потоками», где «Резань» является скорее обозначением земли, чем города (столица,

Переяславль, указан тут «в головах» Рязани, т. е. фраза означает «рязанская земля во главе с Переяславлем». Термин «Резань» неоднократно употреблялся в качестве синонима понятия «рязанская земля»).

При этом следует отметить, что представления о Старой Рязани как полностью вымершем после монгольского нашествия городе в настоящее время уже устарели. В частности, с ее территории происходят материалы ордынского времени, в том числе немалое количество серебряных и медных джучидских монет вплоть до времени правления Тохтамыша, а также монета великого князя рязанского Ивана Федоровича (1427—1456)⁶⁷. Это показывает, что упоминаемая в источниках Старая Рязань в XIV—XV вв. вовсе не была мертвым пустынным городищем, что здесь жили люди и велось активное денежное обращение.

Кроме того, данные документы не являлись некими абстрактными «списками городов». Эти списки составлялись не для учебника исторической географии, а по совершенно конкретным поводам, связанным именно с «реально происходившими событиями». Ярлык являлся документом, на основании которого его держатель получал право претендовать на поименованные в нем земли и населенные пункты. Вряд ли имело смысл претендовать на несуществующие города, и вряд ли стоит представлять себе крымских ханов в виде шутников, которые с легкостью выписывали подобные грамоты. Позднейшим историкам XIX—XX вв., знавшим о дальнейших исторических судьбах Крыма, Литвы и России, могли представляться невероятными и смешными претензии хана на владение Новгородом и возможность передачи прав на него Сигизмунду. Но боязнь того, что новгородцы «поддадутся Литве», была вполне реальной даже во времена Ивана Грозного, что обусловило, в частности, опричный разгром города. Польско-Литовское государство и в XVII в. не могло смириться с утратой Северских земель. Исходя из этого, получение великим князем литовским подобного

ярлыка было вполне серьезной претензией на обладание перечисленными в нем территориями, и было бы странно, если бы в этот перечень стали включать безлюдные и не приносящие дохода города и волости, названия которых позаимствованы из древних летописей.

Помимо того следует обратить внимание и на то, что, несмотря на существование определенных стандартных текстовых блоков в перечислении городов и местностей, ни один из ярлыков не повторяет дословно другого. Каждый из них имеет свои особенности. Например, Путивль, существование которого трудно отрицать, отсутствует в ярлыках 1461 г. и 1472 г., а Яголдаева тьма продолжает упоминаться в 1540 г., когда это название могло иметь лишь географическое значение (видимо, иначе обозначить эту территорию было невозможно). Рыльск исчезает из перечня 1540 г., Новгород-Северский не упоминается в 1507 и 1540 гг., а Трубчевск в ярлыках вообще отсутствует. Это может свидетельствовать о том, что в каждом случае документ составлялся исходя из конкретной обстановки и включал в себя лишь необходимые в данном случае стандартные блоки наименований, согласно значимости для адресата этих населенных пунктов и территорий в настоящее время. При этом Курск (Курская тьма) на протяжении ста лет, с 1432 г. по 1540 г., неизменно присутствует во всех документах, наряду с Брянском, Хотмышлем, Мценском и Любутском (таблица 1).

Характерна и формула, согласной которой упоминается Курск. Она ничуть не напоминает «топографический ориентир или вообще обобщенное название территории». Как правило, это непосредственно наименование самого города, к которому иногда добавляется указание на его округу. Это отличает его от той же Яголдаевой тьмы, которая никогда не называется с упоминанием ее центра. Единственный раз просто «Курская тьма» фигурирует в документе 1507 г., но подобным же образом в том же документе именуется и Чернигов, прежде называвшийся только по своему имени

(Черниговская тьма). Следует отметить, что пространная формулировка наименования «зъ выходы и данми, и зъ землями и водами» вообще широко применяется в ярлыке 1507 г., что надо отнести к характерным особенностям данного документа.

Традиционно считается, что ярлыки — это сложные, многослойные документы, в тексте которых имеется ядро, механически повторяемое раз за разом при составлении новых документов. Согласно устоявшемуся мнению, ядро это восходит к некоему архетипу конца XIV в., к «протоярлыку» времен Витовта и Тохтамыш⁶⁸. Этот документ должен был, вероятно, легитимизировать приобретения Литвы и упорядочить литовско-ордынские отношения. Об этом свидетельствует то, что в перечень городов и территорий, включенных в ярлыки, входят исключительно земли, уже захваченные Литвой, или те, на которые она традиционно претендует (например, Новгород или рязанские владения). В дальнейшем при выдаче новых ярлыков в них вносились изменения, отражающие перемены в политической географии данной территории, что было показано еще Ф.Е. Петрунем⁶⁹. Таким образом, из этого логично будет сделать несколько выводов:

1. Населенные пункты и политические образования, входящие в «ядро», существовали на момент составления «протоярлыка»;

2. Ярлыки не составлялись путем механического копирования, а подвергались изменениям в зависимости от ситуации. В них вносились новые сведения, отражающие новую политическую реальность и текущие политические запросы.

3. В таком случае представляется невероятным, чтобы составители документа, внося в него новые данные, не удаляли из него данные устаревшие.

4. Таким образом, города и местности, упоминающиеся в ярлыках, следует считать реально существующими на момент составления этих ярлыков.

В итоге можно заключить, что данные документы косвенно свидетельствуют также и о существовании Курска в конце XIV в.

Города из списка князя Свидригайла также вряд ли могут вызвать сомнения в реальности своего существования. Кроме того, следует заметить, что данные документы составлялись в конкретное время с конкретными целями. Свидригайло вряд ли пытался впечатлить тевтонцев обладанием несуществующим местом, все города его списка вполне себе реальны, и было бы странно включать в него город-призрак. «Список городов дальних и ближних», как то наглядно показал В.А. Кучкин, вообще составлялся в 1449 г. с целью разграничения епархий, и заказчик списка тоже был кровно заинтересован во владении реальными, а не виртуальными приходами. Интересно также отметить, что никто не оспаривает реальности существования Жолважа, Милолюбля, Оскола и тому подобных городков, не упоминаемых ни в каких иных источниках, хотя даже место их нахождения до сих пор точно не установлено. Формулировки ханских ярлыков, следовали, конечно, устоявшимся шаблонам, но почему в них все соседние с Курском города реальны, а он один виртуален?

Крайне странно считать упоминания Курска в документах XV—XVI вв. проявлением «мощной исторической памяти», поскольку это подразумевает наличие подобной памяти у людей, имеющих к Курску весьма отдаленное отношение — ведь эти документы создавались в канцеляриях крымских ханов и литовских князей. Их меньше всего должно было беспокоить сохранение воспоминаний о некогда существовавшем городе и княжестве, когда они составляли вполне конкретные владельческие документы.

Таким образом, вряд ли в настоящее время имеются основания для недоверия к сведениям, содержащимся в данных четырех документах XV—XVI вв., упоминающих о существовании Курска.

4. Ненадежность косвенных свидетельств существования Курска до 1596 г., поскольку в документах подобного рода нередко встречаются неточности.

Это возражение относится в первую очередь к сведениям о службе предков Василия Розина, который в своей челобитной мог преувеличить заслуги своего рода. Однако предположение о таких преувеличениях остаются не более чем предположениями, пока они не подтверждены другими документами. Если рассматривать свидетельство Розина в общем контексте сохранившихся упоминаний Курска XVI в., то оно ничуть им не противоречит. Не исключено, что воспоминания Розина о службе его предков связано с сообщением о пребывании в Курске войск в 1557 г.

Служба «в Курске у пятисот человек» Постника Суворова и пребывание «в Курске» рати Репнина и Татова не оспариваются напрямую, но подвергаются сомнению в виде обтекаемых формулировок, предполагающих существование на месте Курска некоей «временной заставы». Документы, однако, настолько лаконичны, что не оставляют места для подтверждения подобных сомнений. Они четко называют место, где находились их воинские подразделения «Курск», не употребляя уточняющих терминов «городище», «сторожа» или, например, «урочище». Рать Репнина стояла «в Курске» и оттуда двинулась «в Мценск» — равнозначное упоминание этих названий позволяет считать, что в обоих случаях за ними скрываются реальные населенные пункты. Кроме того, войска просто не могут долгое время стоять в безлюдной местности, где невозможно обеспечить себя провиантом и фуражом. Уже одно это обуславливает наличие «в Курске» определенного населения.

По мнению А.И. Раздорского, сам «факт существования русской крепости на территории современного Курска ранее 1596 г. полностью противоречит всему имеющемуся в многочисленных и разнообразных источниках комплексу информации о хронологии и темпах освоения Московским государством южнорусских земель. Известно, что продвижение в Поле было поэтапным и следовало определенной системе. Русские города продвигались на юг «волнами» и

«цепями», они, как правило, не отрывались в этом движении от своих соседей. Трудно представить находящуюся в Поле крепость, отстоящую от ближайших русских городов и логистических тылов на сотни верст»⁷⁰. Это замечание выглядит верным, но лишь внешне. Достаточно вспомнить, что города на Псле (Обоянь, Суджа), были основаны значительно позднее выдвинувшегося на Северский Донец Белгорода, уже «в тылу» передовой линии крепостей. Сам же Белгород долгое время находился посреди пустынного необжитого пространства вне какой-либо «цепи» укреплений. Валуйки были основаны за три года до Белгорода и были выдвинуты еще глубже на юг. Совершенно одиноким, оторванным от заселенных областей, выглядит и основанный еще в 1586 г. Воронеж. Между тем Курск находится на одной линии с такими бесспорно существующими укрепленными пограничными пунктами, как Путивль и Рыльск, ничуть не отрываясь, таким образом, от неких «логистических тылов». Возведение новых укреплений города и направление сюда притока новых поселенцев следует рассматривать не как «выдвижение на юг» некоей очередной «волны» крепостей, а скорее как усиление слабого звена в уже существующей посеймской цепочке.

5. Отсутствие археологических материалов XIV—XVI вв. в культурном слое Курска.

Что касается археологических материалов, то надо сразу признать, что современное состояние знаний не позволяет четко выделить материалы XIV—XV вв. не только в Курске, но и во всей Курской области. Изучение этого периода только начинается, но уже сейчас можно сказать, что, например, часть керамики этого времени весьма близка по своим формам к материалам второй пол. XIII в., а некоторые формы напоминают известные сосуды XVI—XVII вв. Так что не исключено, что искомые материалы уже найдены, но неточно датированы. Следует также упомянуть и такую единичную находку, как ордынский данг, обнаруженный при раскопках у стен Воскресенской церкви

в историческом центре города. Косвенно о наличии в XV—XVI вв. поселения на территории Курска свидетельствуют и находки в его ближайшей округе. Так, в частности, только в достаточно населенной местности мог отложиться крупный клад, подобный тому, что в 1908 г. был описан и определен Т.А. Гороховым — пуд джучидских монет периода 1312—1436 гг., некоторые из которых имели на себе тверские надчеканы⁷¹. Он был обнаружен крестьянами при распашке старой непроезжей дороги на берегу Сейма в ближайшей округе Курска. Выявленные к настоящему времени материалы XIV—XV вв. дают веские основания для того, чтобы поставить под сомнение тезис о «запустении» края в этот период⁷². О существовании укрепленного поселения непосредственно на территории Курска свидетельствует упоминание о наличии в пределах нового острога в первой четверти XVII в. некоей «старой городской осыпи», по гребню которой стоял «рубленный город». Подобная конструкция фортификаций резко отличалась от общепринятой в тот период практики возведения частоколов («стоячего острога»), а потому, вполне вероятно, данные укрепления являлись обветшавшими остатками сооружений, предшествовавших строительству 1596 г.⁷³

Таким образом, даже на современном уровне изученности характерного для данного региона археологического материала XIV—XVI вв. нет оснований для решительного и безоговорочного отрицания существования в данный период поселения на территории исторического ядра Курска.

В заключение следует отметить и тот факт, что в дискуссии о существовании Курска в период до 1596 г. традиционно смешиваются два совершенно разных вопроса: проблема существования в тот период Курска как типичного «украинного города» XVI—XVII вв. со всеми его атрибутами, включая наличие воеводского управления и уездной служилой корпорации, и проблеме существования Курска как населенного пункта, волостного центра, города в понятиях именно XIV—XV вв. Кроме того, Курск рассматривается как некий статичный объект, существующий в неизменном виде на протяжении почти трехсот лет, хотя за этот длительный период он, несомненно, должен был переживать времена как процветания, так и упадка, связанные с общеполитической обстановкой в регионе. Нет сомнений в том, что один из таких периодов упадка приходится как раз на вторую половину XVI в., на время, предшествующее возобновлению укреплений. Также Курск должен быть поставлен в единый ряд со сходными по своим размерам и значимости городами данного времени, вместе с которыми он традиционно упоминается: Мужечем, Жолважем, Милолюблем, Ничяном и пр. Это поможет избежать завышенных представлений о нем как региональном центре, равном по значимости стольному граду княжества XII—XIII вв. Центр Курской тьмы или даже «многих волостей» (*multis districtibus*), несомненно, во многих отношениях уступал столице Олега Курского, продолжая, однако, оставаться заметным населенным пунктом Днепровского Левобережья.

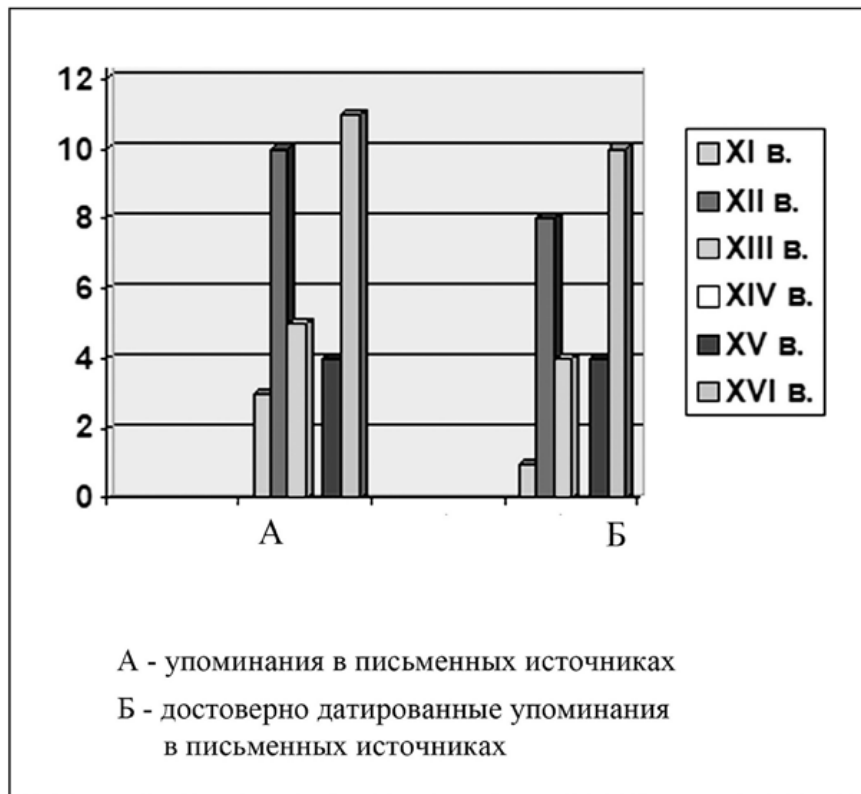

Рис. 1. Частота упоминания Курска в письменных источниках разных веков

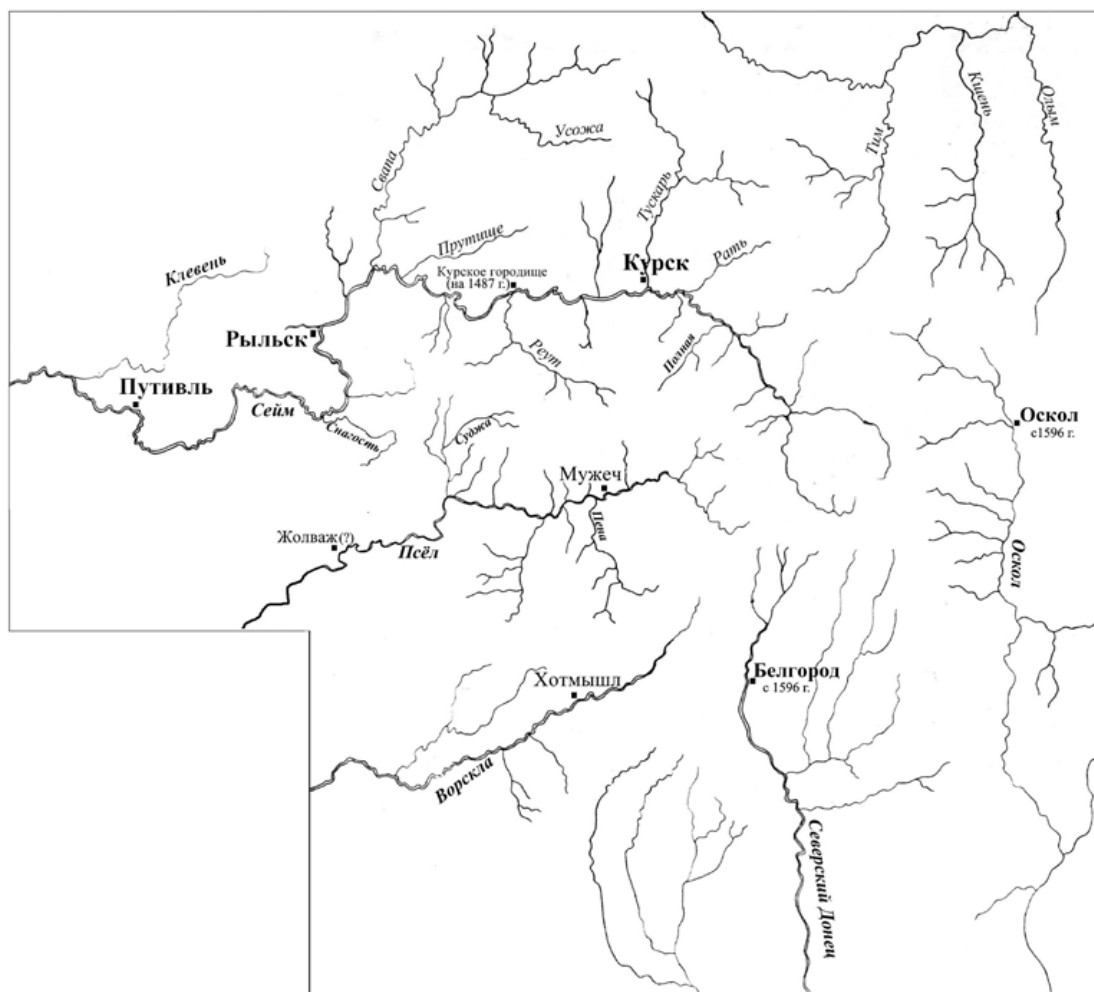

Рис. 2. Курск и ближайшие пункты в источниках XV—XVI вв.

¹ Раздорский А.И. О времени существования современного Курска (к вопросу о хронологических разрывах в истории некоторых русских городов) // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган, 2015. С. 199.

² Зорин А.В., Раздорский А.И. Порубежье: Курский край в XVII в. Курск, 2001. (Курский край; Т. 6). С. 291. Также о постройке Курска на пустом месте в 1596 г. писали В.П. Загоровский и Я.Г. Солодкин (Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 17—18; Солодкин Я.Г. Существовал ли Курск накануне 1596 года? (к интерпретации одного «приговора» Ивана Грозного) // Курский край в истории Отечества. Курск, 2012. С. 186—190).

³ Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 354.

⁴ Склярчук В.И. К биографии Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1988. Т. 41. С. 317—323.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247.

⁶ Там же. Стб. 229; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 220.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296.

⁸ Там же. Стб. 298.

⁹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 25, 210.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 307. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 305.

¹¹ Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 270.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 309.

¹³ Там же. Стб. 328.

¹⁴ Там же. Стб. 332.

¹⁵ Там же. Стб. 355—356.

¹⁶ Там же. Стб. 384.

¹⁷ Там же. Стб. 431.

¹⁸ Там же. Стб. 513.

¹⁹ Там же. Стб. 638.

²⁰ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 255.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 506.

²² ПСРЛ. Т. 18. С. 52.

²³ Там же. С. 74.

²⁴ Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. I. — М., 1996. С. 5—57.

²⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 79.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482.

²⁷ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 27, 99, 111.

²⁸ Кучкин В.А. Датировка списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» // Комплексный подход в изучении Древней Руси. М., 2015. С. 70—72.

²⁹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов... С. 475—476.

³⁰ Полехов С.В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 111—125.

³¹ Kolodziejczyk, Dariusz. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th — 18th Century), A Study of Peace Treaties Followed by an Annotated Edition of Relevant Documents // The Ottoman Empire and its Heritage. Vol.47. Leiden: BRILL, 2011. P. 530; Барвінський Б. Два загадочні ханські ярлики на руські землі з другої половини XV століття // Барвінський Б. Історичні причинки, розвідки, замітки і матеріали до історії України-Руси. Жовква-Львів, 1909. С. 17. Существует наиболее ранняя, гораздо менее исправная публикация этого и следующего документов, в которой наименования городов искажены еще сильнее (Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 3: Dzeje Polski za panowania Kaźmiera, Jana Olbrachta i Alexandra. Warszawa: W Księg. I. Klukowskiego, 1848. S. 230—233).

³² Kolodziejczyk, Dariusz. Op. cit. P. 540; Барвінський Б. Указ. соч. С. 19.

³³ Kolodziejczyk, Dariusz. Op. cit. P. 532, 542.

³⁴ Ibid. P. 557; более ранние публикации с разночтениями см.: Сборник князя Оболенского. М., 1838. С. 87—89; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. II. С. 4—5 (далее — АЗР).

³⁵ Kolodziejczyk, Dariusz. Op. cit. P. 594, 595—596.

³⁶ Ibid. P. 606.

³⁷ Ibid. P. 634.

³⁸ Ibid. P. 643.

³⁹ Ibid. P. 682.

⁴⁰ Ibid. P. 703.

⁴¹ Ibid. P. 713.

⁴² Ibid. P. 723. См. также: АЗР. Т. II. С. 363.

⁴³ Kolodziejczyk, Dariusz. Op. cit. P. 732—733, 741, 754.

⁴⁴ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 162.

⁴⁵ Солодкин Я.Г., Склярчук В.И. Курская крепость // Курск: Краеведческий словарь справочник. Курск, 1997. С. 190.

⁴⁶ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С.499; Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2016. С. 55, 113; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 219.

⁴⁷ Раздорский А.И. О времени существования современного Курска... С. 195.

⁴⁸ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986. Ч. 1. С. 60.

⁴⁹ Солодкин Я.Г. Существовал ли Курск... С. 186—190.

⁵⁰ Анпилогов Г.Н. О городе Курске X—XVI вв. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1979. № 5. С. 43—53.

⁵¹ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 500—501.

⁵² Сборник РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 57—58; Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курское городище, Городенское городище и Гусин брод (историческая топография и Курско-Рыльское пограничье в XIV—XV вв. // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008. С. 91—95; Чубур А.А. «Ниже Гусина брода на усть Ревута реки». Средневековый микрорегион Дроянево: структура и историческая судьба // «Слово о плъку Игоревѣ та його эпоха (Словознавство. Вип. II). Київ; Суми; Путивль, 2008. С. 51—58; Чубур А.А. К вопросу о локализации «Курского городища» // Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе: история, проблемы, перспективы. Брянск, 2003. С. 68—72.

⁵³ Книга Большому Чертежу. М., 1950. С. 104.

⁵⁴ «Тово же году на Оскол государь послал города же ставить на Волдаеве городище воеводу князя Ивана Ондреевича Сонцова Засекина да голову Ивана Микитина сына Мясново. И они, приход на Оскол, усть Оскала [Оскольца] против Тюляфины Поляны город поставили» (Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 113).

⁵⁵ «место на поле на Донце на Северском, словет Белогородье, и то место крепко, гора велика, и леса пришли великие и земля добра, мочно быть на том месте городу» (Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 500).

⁵⁶ Петрунь Ф.Е. Ханські ярлики на українські землі (До питання про татарську Україну) // Східний Світ. 1993. № 2. С. 137.

⁵⁷ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 17—18.

⁵⁸ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 42—43.

⁵⁹ См. например: Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли. Т. 1. Литовский период. Одесса, 1912. С. 287—296.

⁶⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 353—364.

⁶¹ Там же. С. 437.

⁶² Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 35. С. 399.

⁶³ Раздорский А.И. Рыльские князья, наместники и воеводы XII—XVII вв. // Рыльск и рыляне в

отечественной и зарубежной истории и культуре. Рыльск, 2012. С. 319.

⁶⁴ Крашенинников В.В. Севские воеводы в XVII веке // Деснинские древности — IV. Брянск, 2006. — С. 223.

⁶⁵ Раздорский А.И. О времени существования современного Курска... С. 194—195.

⁶⁶ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов... С. 476.

⁶⁷ Пачкалов А.В. Восточные монеты XIV—XV вв. в Рязанской земле // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 521—531.

⁶⁸ Петрунь Ф.Е. Указ. соч. С. 135.

⁶⁹ Там же. С. 134—136.

⁷⁰ Раздорский А.И. О времени существования современного Курска... С. 199.

⁷¹ Горохов Т.А. Монетные клады Курской губернии // Известия Курского губернского общества краеведов. 1927. № 4. С. 42—43.

⁷² Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. К вопросу об археологическом изучении периода второй половины XIV — начала XV вв. (по материалам памятников Курской области): предварительное сообщение // Деснинские древности. Брянск, 2008. Вып. 5. С. 123—130; Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. К вопросу об археологическом изучении периода второй пол. XIV — нач. XV вв. (по материалам памятников Курской области) // Верхнее Подонье: археология, история. Тула, 2009. Вып. 4. С. 100—110; Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Период XIV—XV вв. в новых пунктах в Курской области // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И.Г. Петровского, вып. 20). Брянск, 2016. Вып. 8/1. С. 124—106.

⁷³ Зорин А.В. Оборонительные укрепления средневекового Курска // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск. 2009. С. 83—95; Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Структура и развитие оборонительных сооружений Курской крепости // Город Средневековья и раннего Нового Времени. Археология. История. II (V). Тула, 2016. С. 59—66.